Таирова Н. М.

Общественное мнение начала XX в. и падение авторитета царского режима в России

Таирова Нэлли Михайловна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры истории и политологии
Кандидат исторических наук, доцент
mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ
В статье рассматривается роль общественного мнения в контексте исторических событий начала XX в. Инструментарием общественного мнения являлось революционное творчество народа, как феномен импровизированного средства, ведущий к деструкции сакрального образа Николая II и дискредитации царского самодержавия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
общественное мнение (public opinion), коронное управление, конституционная монархия, общественные отношения, методы общественного мнения, карикатура, коллекция Клима Самгина

Tairova N. M.

Public Opinion of the Beginning of the XX Century and Falling of Authority of the Imperial Rule in Russia

Tairova Nelly Mikhailovna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of History and Political Science
PhD in History, Associate Professor
mmandrik@mail.ru

ABSTRACT
In the article the role of public opinion in the context of historical events of the beginning of the XX century is considered. Tools of public opinion was revolutionary creativity of the people as the phenomenon of the improvised means conducting to destruction of a sacral image of Nicholas II and discredit of imperial autocracy.

KEYWORDS
public opinion, crown management, constitutional monarchy, public relations, methods of public opinion, caricature, Klim Samgin collection

Царский режим в России окончательно пал в 1917 г., но история его падения началась задолго до февральских событий. Политическая поляризация мнений и конфликтующих интересов способствовала формированию общественного мнения и различного рода группировок общественности, носителей этого общественного мнения, которые встраивались в государственный процесс, и, расшатывая его, увеличивали степень конфликтности общества и власти. В узел противоречий российского общества начала XX в. воедино сплелись как второстепенные факты, так и значительные исторические события, выступившие в качестве объектов общественного мнения. По совокупности эти события привели к трагическому исходу — распаду Российской монархии (империи). Несомненно, в этом процессе роль общественного мнения оказалась далеко не второстепенной.

Понятие «public opinion» — «общественное мнение» — возникло в странах Запада в XII в., оно было использовано писателем, богословом и общественным

деятелем Дж. Солсбери (Иоанн Солсберийский) для обозначения моральной поддержки парламента со стороны населения (Англия). С XVIII в. оно становится общепринятым понятием после произнесения аббатом Алькуэном ставшей знаменитой и вошедшей в историю фразы: «Vox Populi — Vox Dei» — «Глас Народа — Глас Божий»[1].

В европейских странах общественное мнение являлось важным ориентиром в государственной жизни и понималось как продолжение или формирование политики через средства печати или общественно-политические объединения. Как разновидность массового сознания, общественное мнение включает в себя скрытые или явные механизмы отношений людей не только к событиям, разворачивающимся в процессе их жизни, но и к деятельности отдельных личностей, различных групп, определяющих их совместное проживание. Общественное мнение обладает субстанциональной силой, но оно не является писаным законом и действует как коллективная совесть светского государства без явно выраженной политизации. Как правило, в государстве источником общественного мнения становилась официальная и частная пресса, а также общественные круги, где существует пристрастность в суждениях к объекту внимания и распространение из уст в уста различных слухов, анекдотов и т. д.

Инструментарием «public opinion» является одновременно определенная сила действия и сила эмоционального претерпевания, т. е. личность внутри себя допускает чувства переживания, удовольствия, страха, злобы, ненависти, зависти, бессилия и т. д. Понятия «сила действия» и «сила претерпевания» ввел Аристотель, определяя, что ни одна из сил не может существовать друг без друга [1, с. 37–39]. В «public opinion», по нашему рассуждению, как раз существуют две стороны — действующая (активная) и претерпевающая (страдающая). Для своего проявления «public opinion» замыкается на конструктивные и деструктивные методы в целях своего воздействия на общественное сознание. Контригра конструктивного и деструктивного есть соотношение противоположных сил и в основном зависит от тех людей, кто ими воспользуется. Если конфронтация противоборствующих сторон имеет длительный характер, то создание общественного мнения вытекает из того, насколько динамична сила воздействия и деятельна в своем противоборстве одна из сторон против другой.

К конструктивным методам можно отнести такие, как: «авторитет власти» — кто обладает авторитетом, тот заслуживает доверие у общественности, пользуется общим признанием и влиянием; «цензура» или «цензурные репрессии» — всегда направлены на сохранение государственной политики в прессе (средствах массовой информации); «имидж» — призван целенаправленно формировать образ правителя и его правительства, а также лидеров партий в определенных ценностных характеристиках (как правило, используются в официальной политике). Что касается деструктивного характера общественного мнения, то он выражен весьма в изощренных формах и направлен на разрушение государственного образа правления, среди них: «манипуляция» (manipulatio) — производство различных скрытых махинаций, проделок; «инсинуация» (insinuatio) — пристрастное суждение, основанное на клеветническом измышлении и стремлении опорочить кого-либо[2]; «диффамация» (diffamare) — форма публичного распространения сведений (действительных или мнимых), порочащих кого-либо преднамеренно[3]. Чаще всего картина диффамации рисуется с коллективного портрета правительства либо с отдельных личностей, обладающих властью.

---

[1] Сайт «Общественное мнение» [Электронный ресурс] URL: publicopinion.ucoz.ru/ (дата обращения: 27.01.2015).

[2] Современный словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1993. С. 238, 358.

[3] Указ. соч. С. 208.

Когда правительства не могут применять политику по назначению, тогда обесцениваются бюрократические символы власти. В этом случае рушатся государственные ценности, создаваемые многими поколениями, а главное — исчезают человеческие отношения внутри бюрократической системы государства. В действительности, бюрократия — это тоже люди, и они подвержены человеческим слабостям, личным склонностям, они не чужды принятию личных решений. Отсюда профессиональные конфликты внутри системы, чинопоклонство и поиск того, кто сможет поддержать своим высоким статусом твое продвижение по службе. Как правило, бюрократия всецело живет соперничеством и ситуациями, в которых как в зеркале отражаются реальные человеческие отношения [7, с. 258]. В личном плане действия бюрократии направлены лишь на собственное сохранение. Однако бюрократия не может быть не авторитарной, ибо она обязана сохранять общественный порядок без оглядки на индивидуальности и выполнять безличные правила (по М. Веберу).

Что касается «public opinion», то оно как раз может быть мощным инструментом в борьбе с бюрократией. Если у административной бюрократии имеется возможность пойти на уступки индивидуальным просьбам и нуждам [Указ. соч., с. 274–275], то общественное мнение целенаправленно может охватить не только личностное бытие, но и государственное существование.

Другим средством разрушения государственного устройства и его символов является «ложный консенсус», применяемый рядом государств или политическими лидерами в целях снижения авторитета, репутации противника в общественном мнении (локально или глобально). Для этого достаточно «конвенционального согласия», получаемого в результате преднамеренных действий групп людей или государств, в целях создания ими так называемого, образа «врага». Как известно, конвенциональное согласие может подменять «public opinion». В этом случае появляются заведомо ложные сведения или возможность использования двойных стандартов, допускающих безответственность и безнаказанность заинтересованной стороны. В то же время возникают пропагандистские трюки с целью закрепления тотального мышления, господства единого центра власти и тотального подчинения этому центру, тем самым существенно изменяя картину реальных событий в мире. Конвенциональное согласие, сужая демократические ценности, расширяет ценности тоталитарности, превращая своих носителей в тоталитарную «демократическую империю» — мир становится антидемократическим, разрушая суверенитет различных народов (например, конвенциональное согласие ярко проявляется во время войн или на современном этапе в политике ЕС).

В России феномен «общественное мнение» зародился в XVIII в. при правлении Екатерины II в образованных, аристократических и разночинских кругах [5, с. 111]. «Общественное мнение» с этого момента играло большое значение в оценке политики правительства, придворной хроники, сообщений из провинции и из-за границы по культуре, спорту и биржевым сводкам. Можно вспомнить, как в XIX в. формировался в дворянских кругах образ «мужа-рогоносца» А. С. Пушкина, приведший великого поэта к гибели. Общественное мнение возникает с этого момента как феномен нарицательный. Не случайно появилась поговорка: «Нужно быть дураком, чтобы дорожить общественным мнением».

В историческом контексте начала XX столетия общественное мнение стало эволюционировать в сторону развития гражданского общества. При правлении Николая II оно интегрировало общественные отношения, выделяя в них два направления: государственное и экзистенциальное. Политическая реальность обрастала не только изменяющимися мнениями или заблуждениями, но и громкими убийствами, парламентскими дуэлями и предательствами, которые по своей значимости из разряда частных событий перерастали в государственные. Поскольку монархическая

государственность не справлялась с политической реальностью, политика легко переходила в руки политических авантюристов, использующих ее в личных интересах.

Никто не знал, что в политике будет иметь решающее значение, а что окажется фикцией. Политические поступки, как правило, мало соотносились с моральным долгом, и многие политические деятели в публичных ситуациях попадали в крайне глупое положение, демонстрируя свои пристрастные суждения и безответственные поступки. Одним казалось, что борьба идет в пределах ответственности за государственность, а на самом деле она являлась дискредитацией коронного (центрального государственного) управления [Указ. соч., с. 196–199]). Другие же преднамеренно, но тайно интриговали или устраивали публичные скандалы. Третьи разрушали не только человеческие жизни, но и в целом подталкивали коронное управление, как, ни парадоксально, к падению монархической власти в России.

Это вполне согласуется с тем, что даже сам Николай II не всегда мог точно оценить своих подданных, а в сложных ситуациях старался дистанцироваться от тех, кто стремился действовать независимо, пытаясь помочь лично ему или спасти державу. Не исключено, что к пассионарным личностям царь относился настороженно, хотя мог принять их позицию, однако не желал вступать с ними в частое общение. Такие личности психологически увеличивали давление на душевное состояние царя, и он осмысленно освобождал себя от таких людей. Избавляясь от сильных личностей, Николай II поддерживал свою власть, действуя по принципу: кто не отдает приказы, тот не властвует. Но приказы надо было отдавать так, чтобы они не навредили институту царской власти, однако для коронного управления это оказалось невыполнимым делом. Мешали вековые стереотипы о верховенстве царской власти. Несмотря на политическую реакцию в виде государственной цензуры в области литературы, искусства и либеральной прессы, общественное мнение существовало и действовало, охватывая различные слои общества. Либеральное общественное мнение фактически стремилось изменить не только консервативные устои, но и создать в обществе необходимый эффект правового государства.

Самым значительным и зафиксированным в общественном мнении оказался Манифест 17 октября 1905 г., а затем указ о создании Государственной Думы 1906 г. Общепризнано, что эти акты, по сути, стали началом конца династии дома Романовых. К сожалению, в этих указах заведомо была заложена идея манипуляции с народным представительством. Для того чтобы не навредить институту самодержавия, были закреплены административно-полицейские функции за действием народного представительства, что явилось одной из причин возникновения недоверия между народным представительством и верховной властью.

Российское общество развивалось и двигалось по обычной траектории — оно главным образом перерабатывало то, что спускалось «сверху», поэтому его жизнь была зеркальным отражением того, что разделял, демонстрировал и определял Николай II. Последователь идеи «народного самодержавия» он де-факто превратил Россию в конституционную монархию. Россияне из поданных императора наконец перешли в новую категорию людей — граждан правовой страны.

Российская общественная жизнь в начале XX в. представляла собой борьбу общества с пережитками абсолютистского режима, в основании которой можно найти политическую практику демократии. И хотя это являлось частью сценария российской власти, все-таки Николай II по собственной воле предоставил возможность сочетать коронное управление с народным представительством. Однако никто не предполагал, что общественное мнение в лице Государственной Думы окажется опасным соперником для существующей власти и выступит независимой силой.

Следует подчеркнуть, что в России частично уже действовал демократический порядок, предоставивший физическим лицам право отстаивать свои собственные

интересы перед коронной администрацией в публичных судебных институтах. При этом судебная власть действовала независимо от исполнительной власти, что позволяло возбуждать судебные преследования против бюрократии и приближало Россию к западноевропейским принципам [Указ. соч., с. 170].

Разумеется, демократизация государственности привнесла некоторое упрощение в систему управления, а кое-где даже нарушила правила государственной службы, установленные еще при Александре III. В общественной жизни это привело к проявлению интриганства и имитации борьбы с оппозицией, что ничего общего не имело с государственными делами и не способствовало достижению необходимых результатов. Свидетельством тому являются многочисленные инциденты, происходящие в государственной и общественной сфере. Именно они и составили цепочку, казалось бы, естественных столкновений, которые, как показал ход истории, на деле скрывали внутри себя революционные перемены в государственном устройстве России.

Незавершенность политического процесса заключалась в том, что сопротивляемость дворянской среды режиму была пассивной, т. е. здесь реальных политиков не наблюдалось. Другое дело, когда борьба выражена в активном противодействии друг другу и отсутствует идентичность с каким-либо классом. Именно в борьбе друг с другом содержится скрытый политический экстремизм, переходящий из политической борьбы оппонентов в реальные протестные движения, направленные против существующего режима, захватывая все слои общества.

Политический деятель XX в. В. А. Маклаков характеризовал сложившуюся практику в делах внутреннего управления тем, что если еще и оставались сторонники самодержавия, то «идеалисты», слепо в него верующие, уже исчезли. Он полагал, что за самодержавием стояли только привилегированные классы, которые знали, что оно их охраняет [Указ. соч., с. 230].

Итак, что же стало причиной неприятия правления Николая II и каковы узловые моменты в общественном мнении? Главным пушечным выстрелом по правлению Николая II стала враждебность общественности к его неудачам в политике. Между его правительством и обществом возник конфликт, поставивший обе стороны в положение воюющих [Указ. соч., с. 231]. Взаимная вражда с каждым годом все более вела к эскалации конфликта и потере возможности сотрудничества [Там же]. Одна из важных причин, приведших к столкновению интересов в борьбе за государственность, – сама личность царя. Он так упорно отстаивал устаревший принцип самодержавия, что потерял в этой бесплодной борьбе свой престиж в широких кругах русского народа [2, с. 126].

Неприятие и предвзятость в общественном сознании к личности Николая II — случай совершенно феноменальный, и он проявлялся в том, что общественность политику его правительства рассматривала под углом несостоятельности и падения государственных устоев. В известной мере такое правительство этически не могло привести к существованию единства взглядов, убеждений и нравственной гармонии.

По мнению В. И. Вернадского, сложное положение характеризовалось тем, что образованная часть общества чувствовала себя в своем государстве «в качестве иностранцев» [5, с. 233].

В то же время русская общественность широко приобщалась к западноевропейским ценностям, в частности, к революционной французской культуре, обращенной к массовому сознанию. Это позволило русскому обществу шагнуть к новому представлению о самодержавии и высмеивать его политическую беспринципность. Общественное мнение не есть только порождение «верхов», связанных узами с властью, оно являлось и продуктом определенных кругов разночинной интеллигенции. Последние целенаправленно подрывали устоявшийся стереотип власти Нико-

лая II как помазанника Божьего. Сильным социально-реалистическим средством художественного изображения власти в негативном свете являлась политическая карикатура.

Так, в одной из карикатур 1905 г. власть в лице Николая II и его свита весьма игриво, в опереточном ритме, вытанцовывает свой коронный выход. На высоко поднятой голове царя легкомысленно сидит шапка Мономаха; глядя на несоизмеримо большие кисти рук, выставленные вперед, как у послушного зайчика, можно догадываться, что они указывают на неумение их хозяина что-либо делать. Рядом в паре с царем эдакий коренастый и усатый «дядька Черномор» в нахлобученной казачьей шапке, подпирающий его, чтобы он не свалился. Позади них в таком же ритме и изгибе тела женская фигура, в ней угадывается абрис императрицы по горностаевой мантии, которой она стыдливо прикрывает свое лицо, а рядом с ней типично растерянный в очках высокопоставленный бюрократ, которому сзади жандарм выворачивает карманы, показывая, что король-то гол. Что сближает царя с высокой фигурой? Вероятно, пустота смысла жизни и пустота денег в казне, да еще немыслимо крючковатые руки — «бессильные», не умеющие управлять страной[1].

Бесспорно, для того времени карикатура по своей жанровой природе была яркой и смелой, она демонстрировала живой показ актуальных явлений в политике. Карикатура являлась частью общественного мнения в революционной ситуации, подпитывающей людей либеральных и левых взглядов.

Не обошел вниманием карикатуру и русский писатель М. Горький. В повести «Жизнь Клима Самгина» он рассматривает отношения людей к реальным событиям, скрытые в общественном мнении, выразительно показывая то, чем духовно подпитывает себя общественность в кризисное время и как его герои реагируют на «ходовые идеи, мнения, разногласия, афоризмы, анекдоты и эпиграммы». Так, главный герой Клим Самгин, учась на юридическом факультете, с увлечением начал собирать открытки на политические темы. Он не просто собирал открытки, он с увлечением охотился за ними, создавая свою собственную тематическую коллекцию. В его коллекцию, бесспорно, вошли открытки с карикатурой, сатирически отражающие современную политическую повседневность. Например, он собрал картинки, изображающие: Финляндию, которая защищает конституцию от нападения двуглавого орла; русского мужика, который пашет землю в сопровождении царя, генерала, попа, чиновника, купца, ученого и нищего, — все они были вооружены ложками, а под рисунком стояла подпись: «Один с сошкой, семеро — с ложкой». К. Самгин очень гордился редкими картинками в своей коллекции, особенно той, которую «достала где-то и подарила ему фотографию с другого рисунка» его знакомая Варвара. М. Горький метко подмечает особенность вовлеченности своих героев в политическую жизнь. Не случайно появляется ощущение, что возникла народная индустрия по созданию политических репродукций и что все пытались их передавать друг другу, как передают свежие новости. Так вот, на этой картинке был отражен в аполлонической наготе абсолютизм царя, за который он крепко держался в экстазе, стремясь к единоличному господству, что мешало ему приблизить страну к демократии — поделиться властью с народом. Использование средств национально-художественного сарказма и площадной культуры смеха позволило автору этой картинки приблизить «физиологию» царя к «физиономии» нищей русской деревни, в реальности которые были слишком далеки друг от друга. М. Горький пишет: «на фоне полуразрушенной деревни стоял царь, нагой,

[1] См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Булавин. 2003. Т. 2. С. 232. Рис. 30. Карикатура на Николая II. Интерпретация визуального ряда персонажей на картинке представлена с учетом воспоминаний современников.

в короне и держал себя руками за фаллос», а под картинкой лаконичная надпись — «Самодержец». Конечно же, у К. Самгина были и другие редкости, например, портрет Щедрина, окруженный чудовищами, а еще портрет К. П. Победоносцева (обер-прокурора Синода) в виде нетопыря и т. д. Горький отмечает, как будущий юрист, Клим Самгин понимал, что его коллекция политических открыток опасна, но все же «гордился ею и продолжал пополнять ее, как судебный следователь материал для обязательного акта»[1].

Таким образом, карикатура как феномен жанровой обличительной иллюстрации актуальной действительности вошла в быт и вполне могла вызывать у населения отторжение личности царя, а также способствовать не только деморализации его образа, но и создать новую типологию образа царя и его бюрократического аппарата как ненужного элемента развивающегося общественно-демократического процесса. Не следует забывать тот факт, что возникшее в обществе мнение в дальнейшем трудно будет изменить, и однажды опозоренный и скомпрометированный образ царя в сатирических плакатах и рисунках визуально надолго сохранится в менталитете народа.

Другим достоянием общественного мнения стал образ личной жизни царя и его многочисленных родственников, который приобретает публичный характер. Они сами создавали такие ситуации, в которых становились действующими лицами бульварно-детективных скандалов. Собственно, дом Романовых непосредственно был причастен к понижению имиджа династии и авторитета Николая II. На царя всегда и во всем воздействовали его многочисленные великокняжеские дяди: одни считали своим долгом оказывать услуги в управлении страной, другие — занимали ведущие должности в различных областях административного управления, создавая для Николая II неблаговидные ситуации. По сути, государь находился в центре династических проблем, являлся ответственным за все поступки, которые совершались членами династии, оценки и внимания общественного мнения. Он не управлял страной, а как кормчий, посадивший свой корабль на рифы, пытался разруливать скандалы и преступления, участниками которых были его родственники.

Сложная ситуация складывалась и в системе государственной службы. Решающим в отношениях царя с министрами правительства выдвигался принцип лояльности, но не было гарантии, что назначенные министры смогут надолго сохранить за собой эти должности. Во все времена существовали «господин случай» и карьеристы. В министерстве неожиданно могла появиться новая кандидатура, еще преданнее, чем прежняя. Преданность надо было проявить либо царю, либо императрице, либо «другу семьи» «старцу» Распутину. Компетентность в этом случае не рассматривалась.

Царь, как известно, мог собственным правом пресекать деятельность выдающихся министров по причине психологической несовместимости, с такими деятелями у него был на первых порах альянс, но затем он вытеснял их с ведущих ролей государственной службы. Он чувствовал потребность в монополии власти и окончательно замыкал круг на самом себе, пытаясь скрыть за этим внутреннюю неуверенность в самом себе и нерешительность в делах государства.

Царь, не допуская к себе сильных по духу и искренне честных по отношению к нему государственных деятелей, при этом возвеличивал при дворе своими милостями «представителей народа» различных мастей, одним из них оказался простой мужик Григорий Распутин, который породил весьма сомнительные слухи и скандалы, связанные с именами Николая II и Александры Федоровны. Своим привиле-

[1] *Горький М.* Жизнь Клима Самгина. Полное собрание сочинений в 25 т. М. : Наука, 1974. Т. 22. С. 159.

гированным положением у трона он обязан был тем, что замкнутая на болезни царевича императрица верила в мистические силы Распутина и ожидала от него исцеления своего сына. Однако Распутин не ограничился оказанием помощи наследнику, ему, по сути, было дозволено стать «тайным советником» императрицы и они вместе решали, кому быть министром, а кому в отставку. Имя Распутина вызывало у политической элиты не столько ненависть к его привилегированному положению, сколько стремление расчистить вокруг царственных особ место от мистицизма и инсинуаций грязного проходимца.

Николай II действовал в традиционных схемах управления, допускающих самоличное право государя. Бюрократические структуры обязаны были подчиняться не только правилам внутреннего порядка, но и праву, исходящего от царя. Однако в самом обществе отсутствовал интерес к правосознанию, поскольку не существовало правового порядка в повседневной жизни.

Другим пробелом в общественном сознании являлось отсутствие идеала правовой личности. Царь пользовался правом самодержца, а не правом гражданина. Но это не вызывало сомнений в дворянской среде, подтверждению тому являлась история общественных отношений: борьба за права личности была чужда русскому человеку [4, с. 115–116]. В сущности, ввиду усилившихся тенденций к абсолютизму и ограниченных общественных правовых возможностей, такое государство не могло активно реагировать на новые вызовы XX в.

Показательно, что даже в такой системе, как выдача наград за заслуги перед отечеством, в правительстве отсутствовал определенный порядок, это вынужден был признать С. Ю. Витте, когда он еще возглавлял Министерство финансов. В основном получение наград было обусловлено не чувством долга служению отечеству и проявлением патриотизма, а степенью «влияния министра на государя, от умения его испросить те или другие награды». Чем выше награда, тем быстрее продвижение наверх по чиновничьей лестнице, т. е. повышение в должности во многом зависело от уровня номинала почетного знака. Вместе с этим существенно изменялись служебные отношения — каждый прогибался друг перед другом, зная, какую роль играет «личное усмотрение». Изменить практику награждения решили к празднованию 300-летия дома Романовых, но проект не был реализован в связи с началом Мировой войны [6, с. 352–353].

Совершенно очевидно, что государственный аппарат не мог компетентно выполнять свои функции в силу того, что власть в лице правительства назначалась и могла осуществлять свои действия только в том случае, если Его Величество или императрица проявляли к министрам доверие. Пожалуй, это было не служение государству, скорее, министры состояли на службе у государя и государыни и чаще всего являлись случайными и бесцветными людьми. То есть легитимность власти исходила не от народа, а непосредственно от императорской четы.

В общественном мнении это явление также нашло свое отражение и выразилось в своеобразной карикатуре на Николая II и его Кабинет министров[1]. В центре картинки сидит Николай II, поджав ноги, в одежде султана. У него большая борода и божественный нимб на лысой голове; из-под шальвар тянутся нити вправо и влево к ходульным скелетам кукольных размеров с головами министров в натуральную величину. Николай II изображен в качестве главного кукловода, дергающего за нити министров-марионеток. Все это указывает на сложившийся образ восточного самодержца в лице Николая II, который держит на привязи свору бюрократов. Но суть такого типа управления заключается в том, что в театре коронованного кукло-

[1] См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Булавин. 2003. Т. 2. С. 222. Рис. 26. Николай II и Кабинет министров. Карикатура из журнала «Зритель», 1905.

вода все его персонажи-министры могут действовать лишь тогда, когда их дергают за поводок. В этом случае возникает вопрос: что могут сделать для народа заигравшийся в куклы Николай II и полностью зависимые от него министры? Бесспорно, может показаться, что слишком долго затянулся детский спектакль царя.

Как видно, общественное мнение концентрируется вокруг правительства и личности Николая II, внимание сосредотачивается на коронном управлении — его несостоятельности в проведении политических реформ и отчужденности института самодержавия от умеренных и образованных кругов российского общества. Под давлением революционных событий общественное мнение оказывает влияние на изменение политического курса и вынуждает Николая II и его Кабинет министров принять политические реформы 1905 г.

Итак, уже Революция 1905 г. показывает либеральной общественности, что можно воздействовать на верховную власть и получить от нее либеральные уступки, не находясь во власти. В то же время либеральная общественность была уверена, что революция не что иное, как проявление низших инстинктов, и политической борьбе предпочла реформаторскую деятельность, которая растянулась на 11 лет — до 1917 г. С другой стороны, коронное управление не способно было противостоять общественному мнению и вместо того, чтобы склонить его на свою сторону, власть сама инспирировала общественное мнение, подрывая свою репутацию.

Известно, что политическая легитимность власти может существовать лишь только при взаимодействии политической системы и общества, когда есть рефлексия власти на нужды общества, на их совместное этическое взаимодействие в установлении общественного порядка [3, с. 26]. Когда же потребовалась легитимность династической власти в лице Николая II и императрицы, то ни одна из государственных или общественных организаций не встала на их защиту, никто не поддержал власть помазанника Божьего[1], наоборот, все требовали отречения царя от престола. Царь даже не получил великокняжеской поддержки внутри дома Романовых. Его личность по своей природе, вольно или невольно, не подходила для роли лидера на престоле — Николай II остался в изоляции. Сочетание самодержавия и народного представительства как политическая идея вызывала не только недопонимание и недоверие, но и революционные настроения у широких масс.

Литература

1. *Аристотель.* Метафизика, IX, 1; 1046 a 19 f. // Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики : философско-политический трактат / перев. с нем. и послесл. О. А. Коваль. СПб. : Гуманитарная академия, 2006.
2. *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению. М. : XXI век. 2000.
3. *Дибиров А.-Н. З.* Теория политической легитимности : курс лекций. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2007.
4. *Кистяковский Б. А.* В защиту права // Вехи. Интеллигенция в России : сб. статей, 1909–1910. М. : Молодая гвардия. 1991.
5. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Булавин. 2003. Т. 2.
6. *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб. : Искусство–СПб., 2001.
7. *Эллюль Ж.* Политическая иллюзия / пер. с фр. В. В. Лазарева. М. : NOTA BENE Media Trade Co. 2003.

References

1. Aristotle. *Metaphysics* [Metafizika], IX, 1; 1046 and 19 f. // Hofmayster X. Will to war, or Powerlessness of policy. Philosophical and political treatise [Volya k voine, ili Bessilie politiki.

[1] Церковь отреклась от царя на девятый день Февральской революции 1917 г.

Filosofsko-politicheskii traktat]/ Translation from German and afterword of O. A. Koval. SPb. : Publishing Center “Humanitarian Academy” [Gumanitarnaya Akademiya], 2006.
2. Danilov Yu. N. *On the way to crash* [Na puti k krusheniyu]. M. : The XXI century [XXI vek]. 2000.
3. Dibirov A.-N. Z. *Theory of political legitimacy* [Teoriya politicheskoi legitimnosti] : Course of lectures. M. : Russian political encyclopedia (ROSSPEN). 2007.
4. Kistyakovsky B. A. *In protection of the right* [V zashchitu prava] // Milestones. The intellectuals in Russia. Collection of Articles 1909–1910 [Intelligentsiya v Rossii. Sb. st. 1909–1910.]. M. : Young Guard [Molodaya gvardiya]. 1991.
5. Mironov B. N. *Social history of Russia of the period of the empire (XVIII — the beginning of the XX century)* [Sotsial’naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)]. In 2 v. 3rd edition. SPb. : Dmitry Bulavin. 2003. V. 2.
6. Shepelyov L. E. *High-ranking world of Russia. XVIII — the beginning of the XX century* [Chinovnyi mir Rossii. XVIII — nachalo XX v.]. SPb. : Art — SPB [Iskusstvo — SPB], 2001.
7. Ellul J. *Political illusion* [Politicheskaya illyuziya] / Translation from French V. V. Lazarev. M. : NOTA BENE Media Trade Co. 2003.